
Вера Дубина

«ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУРСЫ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Главная цель статьи – анализ пробелов в изучении сексуального насилия во время Второй мировой войны, а также возможные направления в дальнейшем развитии исследований вопроса. Тематически статья обсуждает несколько ключевых моментов: роль противопоставления «цивилизованности» и «варварства», «востока» и «запада» в дискурсе сексуального насилия во время и после войны; анализ причин «умолчания» о сексуальном насилии на Восточном фронте в Германии и его табуирование в российской историографии. При существующем в отношении памяти о Второй мировой войне девизе – никто не забыт, ничто не забыто, – статья показывает, что память эта исключительно выборочна и на деле подвергает «вечному забвению» все те события, которые не попадают в трактовки, сложившиеся после войны по обе стороны фронта. Российская историография несвободна от доминирующих в обществе оценок: пафос памяти о Великой Отечественной войне заставляет сторониться женского опыта, немецкая память о войне нагружена воспоминаниями о притеснениях немцев в период оккупации, поэтому тема сексуального насилия добавляет эмоциональный заряд образу немецкого народа как жертвы.

Ключевые слова: сексуальное насилие, Вторая мировая война, дискурс насилия

Если речь идет о войне, то насилие представляется чем-то само собой разумеющимся: в этом случае сексуальное насилие на оккупированных территориях рассматривается как неминуемое следствие военного вторжения (Gestrich 1996). Потому акцент при обсуждении этой темы заметно

Вера Сергеевна Дубина – к.и.н., доцент кафедры истории Московской высшей школы социально-экономических наук, Россия. Электронный адрес: Vera.Dubina@gmail.com

смещается в область социальной политики – оказания помощи жертвам насилия, и преодоления их травматического опыта. На фоне небывалого размаха насилия во время Второй мировой войны и выходящей за границы человеческого воображения степени изуверства (Gleichmann, Kühne 2004), сексуальное насилие в общественном дискурсе оставалось в области частного и только в последние десятилетия стало в Западной Европе предметом активного внимания со стороны историков, психологов, оказавшись в центре громких медиаскандалов (Дуулинг 2008).

Для Германии описание сцен массовых изнасилований обладает в коллективной памяти о войне особым статусом именно потому, что жертвой здесь выступают немецкие женщины. Как показали результаты исследований устной истории, в деревнях и маленьких поселениях Германии, жители даже спустя 60 лет после войны могли едва ли не поименно назвать пострадавших от оккупационных войск жительниц деревни (Satjukow 2008: 338). В последние десятилетия XX в. эта тема активно инструментализировалась средствами массовой информации европейских стран и обсуждалась в Германии в рамках дискурса «катастрофы последнего периода войны» и жертв со стороны мирного немецкого населения (Jureit, Schneider 2010).

С одной стороны, жертвы насилия полагаются нуждающимися в помощи и реабилитации. С другой – акцентуация определенных актов насилия и замалчивание других, как будет показано ниже, может быть механизмом манипулирования памятью или стратегией выстраивания определенной политики памяти. Я предлагаю проанализировать, каким образом сексуальное насилие становится предметом политики памяти в двух разных контекстах: послевоенной Германии и в Советском Союзе. Для этого в статье будут проанализированы базовые тропы в изучении сексуального насилия во время войны в этих странах, будет показан выборочный характер памяти о сексуальном насилии и взаимосвязь этой памяти с послевоенной социальной политикой в обеих странах.

Базовые тропы историографии

Субъектами сексуального насилия в европейской памяти о Второй мировой войне стали, в основном, советские солдаты (Henke 1995: 200–201). В немецкоязычной научной литературе можно обнаружить и отдельные исследования о насилии со стороны американских, французских и британских оккупационных войск (Gebhardt 2015; Ahrens 2011; Dörr 1998: 375–447). При отсутствии каких-либо надежных статистических данных, убеждение в том, что советские солдаты насильствовали больше, остается общим местом в общественном дискурсе:

Конечно <...> солдаты других союзных армий, наступавших с Запада, также были виновны в сексуальном насилии. Но большинство специалистов считает, что наиболее острый характер эта проблема приобрела

на востоке Германии. По оценкам историков, в последние месяцы войны было изнасиловано почти 2 миллиона немок – женщин и девочек; многие из них неоднократно (Доулинг 2008).

Упомянутые здесь два миллиона, по словам одной из американских исследовательниц Атины Гроссманн, «выглядят явным преувеличением», но продолжают приводиться как аргумент. По ее данным, наиболее реалистичной можно считать цифру в 110 тыс. (Grossmann 1995: 110). По какой причине эти цифры сохраняют свое магическое влияние в европейском общественном и даже, отчасти, научном дискурсе? В большинстве случаев они приводятся не для какого-либо количественного сравнения, а для того, чтобы подчеркнуть масштабность произошедшего. Ключевым моментом дискурса сексуального насилия является его массовый характер. Массовость изнасилований со стороны советских солдат использовалась в дискурсе послевоенной Западной Германии для эмоционального уравнивания с массовыми преступлениями нацистов – в результате и та, и другая сторона являются жертвами, и, по большому счету, никто не виноват (Münch 2009).

Для современного читателя массовое изнасилование является откровенным варварством, поскольку в данном случае насилие не только направлено на «слабых» женщин и маленьких девочек, но еще и сопряжено с особо болезненным способом унижения. Потому эта тема автоматически отсылает к сравнению «цивилизованного западного мира» с «восточным варварством» (Baberowski 2012: 438). В эту ловушку легко попадают даже такие именитые исследователи насилия, как Йорг Баберовский, объяснявший массовые изнасилования в советской зоне тем, что «советские мужчины пытаются заполучить хоть небольшое удовлетворение своего комплекса неполноценности перед цивилизованной нацией»¹ (Baberowski 2012: 437). Несмотря на то, что большинство немецких историков вряд ли согласятся с вышеприведенным мнением (Koenen 2012: 81–88), удивительная живучесть подобной интерпретации говорит об отсутствии выработанного и общепризнанного механизма анализа этой темы в европейской исторической науке, а также о существующей в Германии потребности эмоционального подтверждения «объяснений» чрезмерной жестокости во время Второй мировой войны.

С российской стороны тема сексуального насилия во время войны до сих пор продолжает упорно табуироваться, а интерес к ней проявляется, в основном, как защитная реакция на сообщения европейских СМИ. Например, упомянутый выше отрывок из немецкого журнала «Шпигель» не один раз обошел российские новостные сайты и блоги. Однако за этим всплеском активности не последовало никакой серьезной аналитики и даже сексуальные преступления Вермахта на территории Советского союза изучаются, прежде всего, немецкими исследователями (Römer 2011: 331–352; Nolte 2009: 113–133; Eschebach, Mühlhäuser 2008).

¹ Цитаты на иностранном языке даны в переводе автора – Прим. ред.

Если отечественные историки и предлагают сравнение опыта сексуального насилия на Восточном фронте с более изученной историей сексуального насилия на территории оккупированной Германии, то, в подавляющем большинстве, не из соображений поиска аналитического инструмента, как, например, Ханс-Хайнрих Нольте (Nolte 2009: 129), а ради дальнейшей мультипликации тропа Красной Армии как армии-освободительницы. Причина отсутствия исследований сексуального насилия на Восточном фронте кроется не только и не столько в «узкой источниковой базе» (Nolte 2009: 129). Еще в 1995 г. американский историк Норман Наймак поставил на этой проблеме крест, заявив: «[т]ема сексуального насилия во время Второй мировой войны в СССР табуировалась, ни мемуары, ни какая-либо другая литература того периода их не обсуждает» (Naimark 1995: 85).

Последний тезис крайне распространен в историографии, несмотря на массу возможностей убедиться в обратном. Тема изнасилований оказывается одной из центральных в дневниковых записях офицеров и солдат на фронте (Budnitskii 2009: 629–682). Она табуировалась уже после войны, но не в период военных действий: как советские, так и немецкие солдаты пишут в своих фронтовых записках о сексуальных контактах с женщинами оккупированных территорий. Так, основу источниковой базы работы немецкой исследовательницы Регины Мюльхойзер «Сексуальное насилие и интимные отношения немецких солдат на территории Советского Союза в 1941–1945 годах» (Mühlhäuser 2008) составили дневниковые записи немецких солдат, их письма с фронта, свидетельства очевидцев, а также корреспонденция различных ведомств, в том числе и полевых судов Вермахта. Потому неизученность темы сексуального насилия была, скорее, связана не с недостаточностью источников, а с нежеланием ее исследовать.

«Никто не забыт, ничто не забыто»: избирательность памяти и о войне

В нежелании помнить или желании забыть нет ничего нового. Тем не менее, в случае Второй мировой войны в общественном дискурсе, как России, так и Германии действует обратный призыв: «никто не забыт, ничто не забыто». Как, однако, показывает практика коммеморации, эта память имеет выборочный характер и подвергает вечному забвению все те события, которые не попадают в сложившиеся в послевоенные годы трактовки. Показательным примером служат музейные выставки к 65-летию победы в России, скандальная выставка 1995–1997 гг. «Преступления Вермахта» в Германии (см. статью Кауганова в этом номере).

В российском случае из памяти исключается все, что не служит героической репрезентации войны, а потому даже проекты, задуманные с целью показать «другое лицо войны», с легкостью Оруэловского двоемыслия репродуцируют наследие советской идеологии, без какого-либо критического анализа

«созданности» идеологического образа (Воронина 2011). Героический этос так влиятелен, что даже материал о репрессиях или письма с фронта Ефима Хозумова, посылавшего умирающей от голода в глубоком тылу семье деньги, ему ничуть не мешают: «[п]еред нами по-прежнему не трагедия людей, участвовавших в войне, но предмет их гордости и величия» (Воронина 2011).

В немецком варианте общество охотно следует старому тропу «рассказывать о войне, молчать о преступлениях» (Rosenthal 1995: 651–663). Вина перекладывается на специальные подразделения СС, тогда как Вермахт, т.е. большая часть армии, в коллективной памяти остается незапятнанной преступлениями в отношении мирного населения. Именно этот миф о «чистом вермахте» и пытались сломать организаторы выставки «преступления вермахта», в результате чего натолкнулись на сопротивление и возмущение значительной части общества. Выставка, открытая в 1995 г. в Гамбурге, экспонировала фотографии и документы, показывающие издевательства немецких солдат над мирным населением Советского Союза. Она вызвала общественный скандал и была, в результате, закрыта, но снова открыта через два года в Бремене. Причины подобного упорства имеют массу источников, которые можно вскрыть при внимательном анализе инструментализации или замалчивания вопроса сексуального насилия. Историки, в этом случае, также несвободны от доминирующих в обществе оценок, будь то российский троп об «армии-освободительнице», или немецкий – о «чистом Вермахте».

Сам факт существования подобного мифа кажется немислимым человеку, выросшему в Советском Союзе. В отличие от ГДР, где советские войска репрезентовались в общественной памяти как освободители, а немецкое население социалистической Германии – как антифашисты, в Западной Германии нацистские преступления на Восточном фронте были вытеснены из памяти о войне:

Оба самых страшных и тесно взаимосвязанных преступления нацизма – холокост и военная кампания на восточном фронте – получили различное развитие в памяти о войне в ФРГ и ГДР. Если в Западной Германии воспоминания о преступлениях нацизма концентрировались на уничтожении евреев, то официальная память о войне в ГДР формировалась вокруг нападения Германии на Советский Союз (Mogina 2008: 257–258).

Полемично настроенные организаторы упомянутой выставки о преступлениях Вермахта, например, Ханнес Хеер, говорят о смещении воспоминаний в сторону нового варианта коммеморации: немецкий народ – жертва Третьего рейха. Его книга, вышедшая в 2004 г., носит название «Замалчивая преступления. Война массового уничтожения имела место, но никто в ней не участвовал» (Heer 2004). Тем самым он метит в доминирующий в последние десятилетия в научной литературе тренд по изучению страданий немецкого мирного населения в годы войны. Начиная с 1990-х гг. все больше книг в Германии посвящается так называемой *Bombenkrieg* – разрушению немецких городов в конце войны, а также мародерству оккупационных войск, из-

гнанию мирного немецкого населения из Прибалтики и территории нынешней Польши. Современная немецкая память о войне нагружена воспоминаниями о притеснениях немцев в период оккупации и в послевоенные годы. Тема сексуального насилия добавляет серьезный эмоциональный заряд образу немецкого народа как жертвы.

Только в 1980-е гг. в ФРГ стали открыто говорить о «войне на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*) – так в Германии называют восточную кампанию нацистов. Опубликованная в 1987 г. в газете «Цайт» статья Вольфрама Ветте «Ограбить, разрушить, уничтожить. Бремя 1941 года. Поход против Советского Союза был с самого начала войной, направленной на разграбление и уничтожение» открыла эту тему для обсуждения в немецкой прессе (Wette 1987: 49–51). Последовало несколько конференций и исследований преступлений нацизма на Восточном фронте, что способствовало прочному утверждению термина *Vernichtungskrieg* в немецкой историографии (Jahn, Rügge 1991). Тема сексуального насилия играла в этом процессе особую роль и использовалась, как показала Элизабет Хайнеман, для того чтобы подчеркнуть отличие от Советского Союза (Heineman 1996: 354–394). Как утверждалось, за массовыми изнасилованиями скрывается менталитет, представлявший для европейского человека нечто дикое и чужое. Официальный дискурс Холодной войны приписывал советским войскам этот «азиатский» менталитет, который сводит женщину до ранга «заслуженного приза победителя». Поскольку в составе советских войск были представители азиатских республик, то этот миф выглядел в глазах немцев еще более убедительным: даже в современных немецких работах, для репрезентации образа советского солдата, авторы – скорее всего, бессознательно – выбирают фотографии не блондинов с голубыми глазами, а темнокожих, с узкими глазами и широкими скулами. Самая первая фотография в книге, открывающая главу о выводе советских войск с территории бывшей ГДР, демонстрирует немецкому читателю образ Другого – солдата в шапке ушанке, черноволосого, с узкими глазами и широкими скулами (Satjukow 2008: 9). В дискурсе памяти времен холодной войны изнасилования советскими солдатами немецких женщин в 1945 г. представлялись как «азиатское» нарушение европейских норм, а отступление немецких войск стилизовалось как наступление «азиатов» на традиции и ценности западной цивилизации. Изнасилованные женщины функционируют как действенная метафора для изображения притеснения всего немецкого народа (Heineman 1996).

По мнению Кристины Мориной, воспоминания о преступлениях на Восточном фронте на протяжении многих лет оставались в Западной Германии темой, вытесненной из официальной памяти (Morina 2008: 258). Из-за холодной войны Советский Союз представлял собой главную угрозу для Запада – коммунизм. Более того, подключался также и цивилизаторский (колониальный) дискурс – борьба западного цивилизованного общества с опасными варварами. Это сделало возможным утверждение мифа о «чистом» Вермахте.

В героическом дискурсе Красной армии как освободительницы тема сексуального насилия не нашла применения. Возможно, это было связано с напряженным отношением в Советском Союзе к любому обсуждению сексуальной тематики и с активной инструментализацией образа женщины, прежде всего, как матери. Если посмотреть на плакаты и обращения периода Второй мировой войны, то в Советском союзе, гораздо более, чем, например, во время войны с Наполеоном («Отечество в опасности»), инструментализировался образ родины-матери («Родина мать зовет»), тогда как в немецком языке родина – это, прежде всего, отечество (*Vaterland*) и дословно означает «земля отца».

Советская память о войне «игнорировала женский опыт», а многомиллионная армия женщин, в ней участвовавшая, как пишет Ольга Никонова, «растворилась в официальной мемориальной культуре» вместе с их особой повседневностью, превратившись «в невидимых солдат Великой войны»: «[п]афосность и монументализм мифа о Великой Отечественной войне до сих пор сторонятся женского взгляда и альтернативных моделей интерпретации военного опыта» (Никонова 2005: 289). Страдания мирного населения не могут добавить пафоса этому мифу, а потому даже истории таких прославленных мучеников как, например, Зоя Космодемьянская, репрезентовались без концентрации внимания на их телесных страданиях и сексуальных коннотациях. Известная фотография истерзанного тела Космодемьянской с отрезанной грудью, хотя и вошла в фотоальбом о Великой отечественной войне, была малоизвестна в СССР, и ее тем более невозможно представить на стендах пионерской организации имени Зои Космодемьянской.

Замалчивание сексуального насилия с возвращением к патриархальному порядку

Где же проходит эта граница умолчания о сексуальном насилии? Несмотря на всю болезненность и сложность для изучения сексуального насилия во время Второй мировой войны, монографические исследования по этому вопросу начали появляться в Германии уже в 1970-е гг. (Brownmiller 1976). В журнале «Шпигель», цитировавшемся в начале статьи, данная тема затронута в связи с выходом на экраны в 2008 г. польско-немецкого фильма «Безымянная – одна женщина в Берлине». Легшие в основу фильма воспоминания были опубликованы в 1954 г. на английском, а в 1959 г. – на немецком языке (*Eine Frau in Berlin* 1959) но, тогда они не нашли читателя. После смерти автора в 2001 г. они были переизданы, и стали бестселлером. Это говорит о перемене настроения европейского общества и появлении новых точек «коммеморации» в отношении войны.

Одна из исследовательниц темы сексуального насилия на Восточном фронте Регина Мюльхойзер отмечает общую направленность немецких масс-медиа: «[в]противовес замалчиванию сексуальных преступлений Вермахта,

которые по сей день остаются весьма малоизученными, изнасилования, совершенные советскими солдатами, являются постоянным предметом скандалов в прессе» (Mühlhäuser 2008). Нарастание этой тенденции, – считает она, – можно проследить, начиная с фильма Барбары Йор и Хельки Сандер «Освободители и освобожденные» (1992 г.), за которым последовало переиздание воспоминаний «Безымянная – одна женщина в Берлине» в 2003 г. и двухсерийный телевизионный фильм немецкого канала ЦДФ «Бегство» (2007 г.). Свой повышенный интерес к сексуальному насилию по отношению к населению Германии авторы упомянутых проектов объясняют стремлением разбить табу и, наконец, заговорить открыто. Однако по словам профессора колумбийского университета Атины Гроссмманн:

[и]знасилование – есть в данном контексте не просто изнасилование, оно здесь вписано в определенный исторический контекст. Германия в 1945 году, это не Босния в 1990-е и не улицы современного Нью-Йорка или чье-нибудь супружеское ложе (Grossmann 1995: 112).

Поэтому здесь опасно вести описание события лишь с точки зрения жертвы, для которой оно является частью личной драмы, а необходимо рассматривать и весь исторический контекст.

В Германии тема изнасилований с начала обсуждения идеологически нагружена; и в период самой оккупации, и после окончания войны она не замалчивалась. Как подробно показывает в своей статье Гроссмманн, в первые месяцы оккупации немецкие женщины свободно говорили об изнасилованиях не только в своих дневниках и воспоминаниях, но и открыто обсуждали между собой, например, в очереди за водой (Grossmann 1995). Еще до вступления советских войск в Берлин они были проинформированы нацистской пропагандой о предстоящем насилии. Пропаганда представляла советские войска как не знающие милосердия дикие орды Чингисхана, которые уничтожат все на своем пути. Этот образ дикого «монгола», которым были переполнены пропагандистские плакаты, использовался нацистской властью в качестве жупела, заставлявшего население бороться и тогда, когда война была уже очевидно проиграна (Henke 1995: 87).

Как пишет Гроссмманн, население Германии если и не было проинформировано о преступлениях на Восточном фронте, то догадывалось и знало по слухам о том, что поведение войск Вермахта и СС на территории Советского Союза превысило границу известной прежде военной жестокости, и потому ожидало ответной мести (Grossmann 1995: 113). Нацистская пропаганда активно использовала призывы Эренбурга – «отомсти», или статью из Правды от 14 апреля 1945 г. «Убей немца», чтобы представить немецкому населению все те ужасы, которые их ожидают под советской оккупацией. В мемуарной литературе, особенно в дневниках, написанных непосредственно во время событий, советские офицеры много пишут о том, какой пустынной и запуганной они застали Германию, а также и о мести по отношению

к немецкому населению со стороны советских войск (Копелев 2004). Заранее подготовленное нацистской пропагандой, немецкое население, увидев сцены грабежей или насилия, еще больше уверовало в «азиатские толпы».

Вопрос о сексуальном насилии в Германии с самого начала был признан социальной и медицинской проблемой. Изнасилованные женщины получали медицинскую помощь, а также возможность избавиться от нежелательной беременности: 218 статья нацистского уголовного кодекса, запрещавшая аборт, с самого начала оккупации практически игнорировалась, а на территории советского сектора была официально отменена (Ericsson, Simonson 2005: 174). Постепенно немецкое население научилось уживаться с оккупационными войсками и договариваться с ними. Сексуальные отношения между солдатами/офицерами и немецкими женщинами имели тут разные стороны – и прямое насилие, и сожительство из прагматических соображений, и романтические увлечения. Владимир Гельфанд описывает в дневнике свои ухаживания за немецкой девушкой:

Мать девушки осталась довольна мною. Еще бы! На алтарь доверия и расположения со стороны родных мною были принесены конфеты и масло, колбаса, дорогие немецкие сигареты. Уже половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание и право, что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та ничего не скажет против. Ибо продукты питания сегодня дороже даже жизни, и даже такой юной и милой чувственницы, как нежная красавица Маргот (Гельфанд 2004: 26.10.1945).

Сексуальное насилие не замалчивалось и не табуировалось до тех пор, пока мужчины не вернулись с фронта, и не началось восстановление старого патриархального общества (Budde 1997: 244): работающие женщины были уволены со своих постов, чтобы освободить им место. Опыт пережитого изнасилования не был постыдным в рамках оккупации, но стал замалчиваться впоследствии «ради признанной в обществе женской роли, которой женщины и сами всячески стремились соответствовать» (Grossmann 1995: 118; Zipfel 1995: 460–474).

Сексуальное насилие немецких войск над мирным населением Советского Союза так же не скрывалось, и в первое время после освобождения открыто обсуждалось. На Нюрнбергском процессе приводились слова женщин, ставших свидетельницами изнасилований. Вот показания из материалов Нюрнбергского процесса:

16-ти летнюю Л. И. Мечникову солдаты увели по приказу офицера Хуммера в лес, где они ее изнасиловали. Через некоторое время другие женщины, которых тоже завели в лес, увидели на дереве доски, к которым было прибито тело Мечниковой. На глазах женщин немцы отрезали у нее грудь (Der Prozess... 1984: 502).

Сексуальное насилие рассматривалось как часть массовых преступлений нацистов на территории Советского Союза и стало «семейной проблемой», также как и в Германии, уже с возвращением мужчин с войны.

Этот механизм хорошо показан в фильме «Бабье царство» (1967 г.). В самом начале фильма немецкий солдат пытается изнасиловать девочку лет 15-ти, Дуняшу. Присутствующие при этом женщины, обсуждают на завалинке нацистские бесчинства в соседних деревнях, и стараются успокоить себя мыслью, что им достался «добрый немец». Одна из них Настя Петренко, бросает себя немецкому солдату «как кусок мяса», вместо девочки, которая «потом непременно удавится». Несмотря на то, что для Насти Петренко это событие стало трагедией, в «бабьем царстве», ее личный «позор» не становится позором общественным. Она оказывается в состоянии жить с этим опытом до тех пор, пока ее возлюбленный Костя Лубенцов не бросает ее, узнав об этом. Только тогда пережитый опыт становится ей «хуже смерти», и она пытается покончить жизнь самоубийством.

В послевоенный период патриархальное общество выстраивается заново, и в этом контексте сексуальное насилие, пережитое женщинами оккупированных территорий, становится проблемой для мужчин. Страдания женщин выступают здесь как латентное обвинение мужчинам, не сумевшим защитить свои дома: «вы нас немцам в добычу оставили», – говорит одна из героинь «Бабьего царства». Вследствие активного восстановления патриархальных ценностных категорий после войны (при активном участии власти), тема сексуального насилия вытесняется из официального дискурса в Советском союзе и появляется как маргинальная проблематика только на короткий момент в период оттепели, на волне переосмысления страданий, которые приносит «простому человеку» война. К этому периоду как раз и принадлежит фильм «Бабье царство».

Подводя итоги, еще раз повторюсь – тема сексуального насилия обладает особым статусом в памяти о Второй мировой войне и потому изучение ее коннотаций и инструментализации требует деликатности. Здесь сексуальное насилие вписано в определенный исторический контекст и не может изучаться в отрыве от него. Несмотря на все многолетние попытки работы с этой болезненной темой, исследователи продолжают возвращаться к ней, но даже в 2015 г. обнаруживают, что в общественном дискурсе она покрыта мифами, а с точки зрения анализа источников представляет собой белое пятно (Gebhardt 2015: 12–13, 44). Исследователи оказались здесь в замкнутом круге: выстраивая нарратив этой «обыкновенной истории» с точки зрения жертвы, автор неминуемо сообщает ей мощный эмоциональный заряд и теряет, таким образом, академическое равновесие. Изучая этот вопрос только в рамках национального дискурса – либо впадает в одну из существующих инструментализаций темы, либо углубляется в развенчание мифов, вынужденно оставаясь в своем анализе на поверхности дискурсов.

Исследования сексуального насилия отличаются выборочностью источников, что служит определенной окраске политики памяти или отражает

ее в научной работе в Германии. В современной России продолжается советская традиция замалчивания этой темы в работах о войне, тем самым поддерживая исключительно героическую версию политики памяти. Наиболее плодотворным представляется путь изучения сексуального насилия с обеих сторон фронта, на основании имеющейся официальной документации и личных источников. Наибольший успех такая работа может иметь при международной кооперации ученых и признании необходимости изучения темных страниц совместного прошлого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Воронина Т. Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне // *Неприкосновенный запас*. 2011. 77 (3): 159–175.
- Гельфанд В. Н. *Дневники 1941–1946*, 2004 // <https://clck.ru/9Ws7E> (дата обращения: 27.01.2015).
- Доулинг Ш. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны ("Der Spiegel"), 2008 // <https://clck.ru/9Ws7z> (дата обращения: 02.06.2012).
- Копелев Л. *Хранить вечно*. М.: Терра, 2004.
- Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // *Неприкосновенный запас*. 2005. 40–41 (2–3): 282–289.
- Ahrens M. *Die Briten in Hamburg. Besatzerleben 1945–1958*. München: Dölling und Galitz, 2011.
- Baberowski J. *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*. München: C. H. Beck. 2012.
- Budde G. – F. "Tüchtige Traktoristinnen" und "schicke Stenotypistinnen". Frauenbilder in den deutschen Nachkriegsgesellschaften-Tendenzen der "Sowjetisierung" und "Amerikanisierung"? // K. Jarausch (Hg.) *Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970*. Frankfurt/Main: Campus-Verl, 1997: 243–273.
- Budnitskii O. The Intelligentsia Meets the Enemy. Educated Soviet Officers in Defeated Germany // *Kritika*. 2009. 10 (3): 629–682.
- Brownmiller S. *Against our Will: Man, Woman and Rape*. New York: Fawcett Book, 1976.
- Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof 14.11.1945–01.10.1946. München-Zürich. 1984. Bd. 7.
- Dörr M. "Wer die Zeit nicht miterlebt hat...". *Frauenerfahrungen im Zweiten Weltkrieg und in den Jahren danach*. Frankfurt/Main: Campus-Verl, 1998.
- Eine Frau in Berlin: Tagebuchaufzeichnungen*. Frankfurt: Kossodo, 1959.
- Ericsson K, Simonson E. (eds.) *Children of World War II: The Hidden Enemy Legacy*. New York: Berg Publishers, 2005.
- Eschbach I, Mühlhäuser R. (eds.) *Handlungsräume. Sexuelle Gewalt durch Wehrmacht und SS in den besetzten Gebieten der Sowjetunion 1941–1945*. Berlin: Metropol Verlag, 2008.
- Gebhardt M. *Als die Soldaten kamen. Die Vergewaltigung deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2015.

- Gestrich A. (ed.) *Gewalt im Krieg. Ausübung, Erfahrung und Verweigerung von Gewalt in Kriegen des 20. Jahrhunderts*. Münster: Lit, 1996.
- Gleichmann P., Kühne T. (eds.) *Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert*. Essen: Klartext-Verl, 2004.
- Grossmann A. Eine Frage des Schweigens? Die Vergewaltigung deutsche Frauen durch Besatzungssoldaten // *Sozialwissenschaftliche Informationen*. 1995. 24 (2): 109–119.
- Heineman E. The Hour of Women. Memories of Germany's Crisis Years and West German Identity // *American Historical Review*. 1996. (1): 354–394.
- Heer H. *Vom Verschwinden der Täter: Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei*. Berlin: Aufbau-Verl. 2004.
- Henke K. – D. *Die amerikanische Besetzung Deutschlands*. München: Oldenbourg, 1995.
- Jahn P., Rürup R. (eds.) *Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Essays*. Berlin: Argon, 1991.
- Jureit U., Schneider C. *Gefühlte Opfer. Illusionen der Vergangenheitsbewältigung*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2010.
- Koenen G. Weil es Stalin gefiel? Zu Jörg Baberowskis Deutung des Stalinismus // *Osteuropa*. 2012. 62 (4): 81–88.
- Morina C. Vernichtungskrieg, Kalter Krieg und politisches Gedächtnis: Zum Umgang mit dem Krieg gegen die Sowjetunion im geteilten Deutschland // *Geschichte und Gesellschaft*. 2008. (2): 252–291.
- Mühlhäuser R. Konkurrierende Erzählungen zu sexueller Gewalt im Zweiten Weltkrieg, in DDR, Bundesrepublik und nach 1989 // *Phase 2*. 2008. (28): 46–49.
- Münch I. v. *"Frau, komm!" Die Massenvergewaltigungen deutscher Frauen und Mädchen 1944/45*. Graz: Ares-Verl, 2009.
- Naimark N. *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- Nolte H. – H. Vergewaltigungen durch Deutsche im Russlandfeldzug // *Zeitschrift für Weltgeschichte*. 2009. (1): 113–133.
- Römer F. Gewaltsame Geschlechterordnung. Wehrmacht und "Flintenweiber" an der Ostfront 1941/42 // S. Förster, B. Wegner, K. Latzel, F. Maubach, S. Satjukow (eds.) *Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis heute*. Paderborn: Schöningh, 2011: 331–352.
- Rosenthal G. Vom Krieg erzählen, von den Verbrechen schweigen // H. Heer (ed.) *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. 2. Aufl.* Hamburg: Hamburger Ed, 1995: 651–663.
- Satjukow S. *Besatzer. "die Russen" in Deutschland 1945–1994*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.
- Wette W. Erobern, zerstören, auslösen. Die verdrängte Last von 1941. Der Russlandfeldzug war ein Raub- und Vernichtungskrieg von Anfang an // *Die Zeit*. 20.11.1987. (48): 49–51.
- Zipfel G. Wie führen Frauen Krieg? // H. Heer (Hg.) *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. 2. Aufl.* Hamburg: Hamburger Ed, 1995: 460–474.

Vera Dubina

"A COMMON STORY": THE DISCOURSE ON THE RAPE OF WOMEN DURING THE SECOND WORLD WAR

The aim of this article is to address deficiencies in research on the topic of sexual violence during the Second World War by attempting to trace possible paths for future investigation. The author pays much attention to the role of the binary construct of "civilised men" versus "barbarian" and "East versus West" in the discourse surrounding sexual violence during and after the War. It shows the reasons for silence concerning rape on the Eastern front in comparative perspective. It explains why rape was so often overlooked by historians and society in Germany and made into a taboo issue in Soviet and Russian historiographical tradition. The article asserts that the difficulties in investigation of sexual violence on Eastern front during the Second World War can be explained not by a lack of primary sources but due to a lack of interest on the part of researchers.

Key words: sexual violence, the Second World War, discourse of violence

References

- Ahrens M. (2011) *Die Briten in Hamburg. Besatzerleben 1945–1958*, München: Dölling und Galitz.
- Baberowski J. (2012) *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*, München: Beck.
- Budde G. – F. (1997) "Tüchtige Traktoristinnen" und "schicke Stenotypistinnen". Frauenbilder in den deutschen Nachkriegsgesellschaften-Tendenzen der "Sowjetisierung" und "Amerikanisierung"? K. Jarausch (Hg.) *Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970*, Frankfurt/Main: Campus-Verl: 243–273.
- Budnitskii O. (2009) The Intelligentsia Meets the Enemy. Educated Soviet Officers in Defeated Germany. *Kritika*, 10(3): 629–682.
- Brownmiller S. (1976) *Against our Will: Man, Woman and Rape*, New York: Fawcett Book.
- Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof 14.11.1945–01.10.1946 (1984) München-Zürich. Bd. 7.
- Dörr M. (1998) "Wer die Zeit nicht miterlebt hat...". *Frauenerfahrungen im Zweiten Weltkrieg und in den Jahren danach*, Frankfurt/Main: Campus-Verl.
- Dowling S. (2008) Seksual'noe nasilie v gody Vtoroj mirovoj vojny ("Der Spiegel") [Sexual Abuse During World War 2 ("Der Spiegel")]. Available at: <https://clck.ru/9Ws7z> (accessed 02.06.2012).
- Eine Frau in Berlin: Tagebuchaufzeichnungen* (1959) Frankfurt: Kossodo.
- Ericsson K, Simonson E (eds.) (2005) *Children of World War II: The Hidden Enemy Legacy*, New York: Berg Publishers.
- Eschebach I., Mühlhäuser R. (eds.) (2008) *Handlungsräume. Sexuelle Gewalt durch Wehrmacht und SS in den besetzten Gebieten der Sowjetunion 1941–1945*, Berlin: Metropol Verlag.

¹ Vera S. Dubina - PhD (kandidat nauk) in history, associate professor, History Dept., Moscow School of Social and Economic Sciences, Russian Federation. Email: Vera.Dubina@gmail.com

- Gebhardt M. (2015) *Als die Soldaten kamen. Die Vergewaltigung deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs*, München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Gel'fand V.N. (2004) *Dnevnik 1941–1946*. [Diaries 1941–1946] Available at: <https://clck.ru/9Ws7E> (accessed 27.01.2015).
- Gestrich A. (ed.) (1996) *Gewalt im Krieg. Ausübung, Erfahrung und Verweigerung von Gewalt in Kriegen des 20. Jahrhunderts*, Münster: Lit.
- Gleichmann P., Kühne T. (eds.) (2004) *Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert*, Essen: Klartext-Verl.
- Grossmann A. (1995) Eine Frage des Schweigens? Die Vergewaltigung deutsche Frauen durch Besatzungssoldaten. *Sozialwissenschaftliche Informationen*, 24(2): 109–119.
- Heer H. (2004) *Vom Verschwinden der Täter: Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei*, Berlin: Aufbau-Verl.
- Heineman E. (1996) The Hour of Women. Memories of Germany's Crisis Years and West German Identity. *American Historical Review*, (1): 354–394.
- Henke K. – D. (1995) *Die amerikanische Besetzung Deutschlands*, München: Oldenbourg.
- Jahn P., Rürup R. (eds.) (1991) *Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Essays*, Berlin: Argon.
- Jureit U., Schneider C. (2010) *Gefühlte Opfer. Illusionen der Vergangenheitsbewältigung*, Stuttgart: Klett-Cotta.
- Koenen G. (2012) Weil es Stalin gefiel? Zu Jörg Baberowskis Deutung des Stalinismus. *Osteuropa*, 62(4): 81–88.
- Kopelev L. (2004) *Hranit' vechno* [To Be Preserved Forever], Moscow: Terra.
- Morina C. (2008) Vernichtungskrieg, Kalter Krieg und politisches Gedächtnis: Zum Umgang mit dem Krieg gegen die Sowjetunion im geteilten Deutschland. *Geschichte und Gesellschaft*, (2): 252–291.
- Mühlhäuser R. (2008) Konkurrierende Erzählungen zu sexueller Gewalt im Zweiten Weltkrieg, in DDR, Bundesrepublik und nach 1989. *Phase 2*, 28: 46–49.
- Münch I. v. (2009) *"Frau, komm!" Die Massenvergewaltigungen deutscher Frauen und Mädchen 1944/45*, Graz: Ares-Verl.
- Naimark N. (1995) *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nikonova O. (2005) Zhenshchiny, voina i "figury umolchaniya" [Women, War and Forms of Silence]. *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable Store], 40–41(2–3): 282–289.
- Nolte H. – H. (2009) Vergewaltigungen durch Deutsche im Russlandfeldzug. *Zeitschrift für Weltgeschichte*, (1): 113–133.
- Römer F. (2011) Gewaltsame Geschlechterordnung. Wehrmacht und "Flintenweiber" an der Ostfront 1941/42. S. Förster, B. Wegner, K. Latzel, F. Maubach, S. Satjukow (eds.) *Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis heute*, Paderborn: Schöningh: 331–352.
- Rosenthal G. (1995) Vom Krieg erzählen, von den Verbrechen schweigen. H. Heer (Hg.) *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. 2. Aufl.*, Hamburg: Hamburger Ed: 651–663.
- Satjukow S. (2008) *Besatzer. "die Russen" in Deutschland 1945–1994*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Voronina T. (2011) Kak chitat nisma s fronta? Lichnaja korrespondenzija i pamjat o Vtoroj mirovoj vojne [How Do We Read Letters from the Front? Personal Correspondence and Memory of World War 2]. *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable Store], 77(3): 159–175.
- Wette W. (1987) Erobern, zerstören, auslösen. Die verdrängte Last von 1941. Der Russlandfeldzug war ein Raub- und Vernichtungskrieg von Anfang an. *Die Zeit*, (48): 49–51.
- Zipfel G. (1995) Wie führen Frauen Krieg? H. Heer (ed.) *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. 2. Aufl.*, Hamburg: Hamburger Ed: 460–474.